

А.В. БУЙСКИХ

О ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НЕКРОПОЛЯ НА СЕВЕРНОМ БЕРЕГУ ХЕРСОНЕСА

Общие вопросы топографии херсонесского городского некрополя неоднократно освещались в значительном количестве специальных работ, причем каждый раз с существенным уточнением данных предыдущих исследований. Как правило, это происходило за счет введения в научный оборот результатов раскопок новых участков некрополя и обобщения накопленных материалов. Поэтому в настоящее время местоположение отдельных участков некрополя, стационарные раскопки которого начались с 1891 г.¹, установлено достаточно надежно². Хорошо известно, что в соответствии с общегреческой погребальной практикой, участки для городского могильника выделялись в непосредственной близости от оборонительных стен, за которыми и начинался «город мертвых». В Херсонесе придерживались этой же традиции: - участки некрополя были обнаружены в различных местах, зачастую перекрытые более поздними городскими напластованиями.

При рассмотрении хронологии строительной деятельности на примере юго-восточного района нами было высказано предположение о наличии в Херсонесе только двух строительных периодов в рамках всего IV в. до н.э. Их рубежом следует считать небольшой хронологический отрезок, близкий середине IV в. до н.э. и охвативший, вполне вероятно, конец второй - начало третьей четверти этого столетия³. Поэтому в полном соответствии с такой строительной периодизацией участки городского могильника были расположены вдоль периметра оборонительных стен - как раннего, так и позднего этапа существования города.

Для раннего времени - это участки на северном берегу: кварталы XIII-XVIII, XIX, XXV⁴, а также возле монастырской оранжереи, ориентировочно в квартале XXX⁵, новый участок под 12-й поперечной улицей, между кварталами XXXVI и XXIV⁶; в районе театральной балки⁷ и в юго-восточном районе города, преимущественно на берегу Карантинной бухты⁸. Было также установлено⁹, что увеличение городской территории произошло

в рамках реализации единой градостроительной программы, которая включала размежевку городской территории на кварталы и строительство оборонительной системы. Процесс строительства оборонительных рубежей начался, скорее всего, не позднее середины IV в. до н.э. и был растянут вплоть до его последней трети, как считалось ранее¹⁰. После этого новые участки городского некрополя окружили линию новых оборонительных сооружений¹¹. Кроме того, часть некрополя раннеэллинистического времени была не позднее середины III в. до н.э. уничтожена, когда произошло расширение юго-восточного района и строительство так называемой цитадели с новыми башнями XVII и XVII (I), а также соответствующими им 19-й и 20-й куртинами, в кладках которых были использованы разобранные памятники некрополя¹². Следующий этап разрушения юго-восточной части некрополя и массового использования разобранных надмогильных памятников в качестве строительного материала связан с возведением протейхизмы в I в. н. э.¹³

Среди перечисленных участков городского некрополя участок, исследованный на северном берегу, представляет значительный интерес. Многие проблемы, заявленные на примере именно этой части раннего могильника, зачастую становились предметом многолетних дискуссий¹⁴. Тем не менее, вплоть до настоящего времени решены далеко не все вопросы. На этом участке, несмотря на то, что многие могилы и погребальные конструкции были не просто перекрыты городскими напластованиями, но еще и преднамеренно разобраны, в ряде случаев сохранились фундаментные ряды отдельных сооружений. Их можно соотнести с остатками надмогильных конструкций. Именно они и дают новую информацию относительно пространственной организации раннего могильника Херсонеса.

Необходимо подчеркнуть, что такая проблема до сих пор не ставилась. Ни один из

участков херсонесского городского некрополя не рассматривался с точки зрения планировочной структуры, пространственной организации погребальных сооружений и их надмогильных памятников. Между тем, современная фактическая база и уровень изученности данной проблемы на основании многочисленных некрополей Восточного Средиземноморья позволяют с высокой степенью достоверности осуществлять необходимые реконструкции и в применении к аналогичным памятникам северо-причерноморского региона. Участок городского некрополя Херсонеса на северном берегу содержит целый ряд сооружений, дающих возможность впервые предпринять такую попытку.

Погребения раннего городского некрополя были открыты на сравнительно небольшой территории вблизи морского побережья - природной впадине, заполненной слоем надскальной глины и представлявшей собой удобное место для устройства простейших по конструкции погребальных сооружений - грунтовых ям¹⁵. Впадина, в которой располагались погребения, служила естественной границей города классического времени с запада. Наибольшее количество погребений - более полутора сотен - было открыто на территории будущих городских кварталов XIII, XV-XVIII, между 9-й и 10-й поперечными улицами (рис. 1)¹⁶ (Благодарю Э.А. Кравченко за помощь в сведении планов Г.Д. Белова).

Только в северо-восточной части квартала XIII было исследовано около сотни погребений¹⁷. Они были тщательно проанализированы с точки зрения стратиграфии и определения их относительной хронологии¹⁸. Г.Д. Белову удалось зафиксировать, что часть погребений была совершена на уровне материковой скалы или тонкого слоя материковой глины, а часть - впущена в культурный слой, который перекрыл самые ранние погребения¹⁹. Е.Я. Рогов, наблюдая над стратиграфической колонкой, доказал, что погребения, устроенные непосредственно на уровне скалы или тонком слое глины, принадлежали ранней части могильника, которая начала формироваться от последней четверти V в. до н.э. Погребения второго стратиграфического горизонта появились не ранее второй четверти или середины IV в. до н.э. Они отражают наиболее поздний этап существования могильника²⁰. Эти

стратиграфические и хронологические наблюдения ценны и для нашего исследования.

Кроме того, необходимо отметить, что строительная деятельность на территории некрополя традиционно рассматривалась только с точки зрения устройства типологически разнородных погребальных сооружений. Однако существует еще один аспект проблемы, которому, как правило, не уделяли должного внимания. В данном случае, сами по себе погребения, независимо от типа каждого погребального сооружения конкретно, не являлись единственным результатом строительной деятельности, связанной с функционированием некрополя, на указанном участке. Кроме них, Г.Д. Белов зафиксировал еще несколько каменных конструкций, которые, между тем, не получили необходимой интерпретации - ни в его отчетах и публикациях, ни в аналитических разработках других исследователей.

Несмотря на то, что все они дошли в крайне руинированном состоянии, как правило, только в виде фундаментных рядов, они были сооружены также на уровне материковой скалы или впущены в культурный слой. Следует подчеркнуть, что автор раскопок с самого начала синхронизировал их не с могильником, а со строительными остатками более позднего времени - эллинистического. Это касается всех сооружений, кроме, пожалуй, тех, которые были открыты в квартале XVIII. Отсюда следует, что эти конструкции, с точки зрения Г.Д. Белова, были соотнесены с определенными строительными комплексами, планировку которых он, тем не менее, не смог реконструировать²¹.

Это особенно хорошо видно на примере кварталов XIII и XIV. Сравнивая планы северо-восточного квартала XIII и юго-западного квартала XIV, нельзя не обратить внимание на то, что в квартале XIV под средневековыми напластованиями сохранились два дома эллинистического времени, причем их планировка была правильно прочтена Г.Д. Беловым²². Ничего подобного не наблюдается в квартале XIII. На двух уровнях - скалы и соответствующего IV в. до н.э. культурном слое - были зафиксированы только погребения и одинокие, не связанные между собой кладки, расположенные двумя группами. И если группа кладок с ямой «К» в юго-восточной части квартала XIII была однозначно

интерпретирована как остатки комплекса эллинистического времени²³, то две кладки, открытые на границе указанных кварталов, в результате дальнейшего изучения получили интерпретацию как остатки монументального жертвенника. Жертвенник, реконструированными размерами 5x3,2 м, с тремя колонными портиками и фронтонным перекрытием по главному фасаду располагался на площади, свободной от жилой застройки²⁴.

Вопрос о наличии жертвенника на площади, предложенной в квартале XIII, будет подробнее рассмотрен нами в отдельной работе, равно как и доказательство абсолютной невозможности такой реконструкции. Однако нельзя не отметить одно ценное для нашей нынешней работы наблюдение, следующее из авторской реконструкции. Авторы, реконструировав площадь, отказались от размещения в этом месте плотной городской застройки эллинистического времени. Это действительно так, несмотря на то, что авторы не поняли реальные причины ее отсутствия. Дело здесь совсем не в площади. Представляется, что идея о наличии площади на этом участке могла быть подсказана одним из ранних выводов К.К. Косцюшко-Валюжинича.

Еще в 1891 г., во время первых раскопок на северном берегу, он обратил внимание, что под византийскими напластованиями «до самой скалы не обнаружено нижнего яруса построек, встречаемого в Херсонесе при раскопках, так что есть полное основание считать это место площадью древнего города²⁵. Однако, как известно, устройство площади в античном городе обязательно сопровождается наличием вымосток, плитовых, галечных или черепяных, тем более при наличии на ней такого сооружения, как алтарь. Ничего подобного, однако, здесь обнаружено не было.

Наличие незастроенного пространства, скорее всего, следует объяснять непосредственной близостью морского абразионного берега. Кроме того, необходимо учитывать, что внутриквартальная застройка соседнего квартала XIV велась с применением жесткой планировочной схемы, в основе которой находилась типовая модель жилого дома малой площади²⁶. В связи с этим, необходимость соблюдения единой планировочной структуры для жилых домов и в квартале XIII (если бы они там действительно были построены) не подлежит сомнению. Тем не менее, их

очевидное отсутствие, с нашей точки зрения, может объясняться элементарной нехваткой места для размещения стандартных в планировочном отношении домов.

Однако, реконструируя площадь, Г.Д. Белов и С.Ф. Стржелецкий не обратили внимания на строительный комплекс с ямой «К». А это, в свою очередь, значит, что он остался лишенным вообще какой-либо функциональной интерпретации. Между тем, этот комплекс представляет значительный интерес, поскольку, как нам представляется, давняя авторская атрибуция настоятельно требует полного пересмотра с точки зрения его датировки и использования. Яма «К» - прямоугольной в плане формы, вырублена в скале, имела размеры: длину 4,2 м, ширину 2,4-2,8 м, глубину 1,35 м (рис. 1). Из плана и продольного разреза следует, что в юго-западном и северо-западном углах ямы имеются два углубления, первое из них - до 25-30 см, а над западным бортом котлована сохранились остатки каменной кладки. Как правильно догадался Г.Д. Белов, эта яма была связана в единый строительный комплекс с расположенными рядом тремя кладками «Я-Я». От одной из них, южной, сохранился скальный выруб, который и дал возможность предположить, что это были не отдельные кладки, а остатки большой прямоугольной в плане вымостки, которая с юго-востока почти вплотную подходила к яме «К». Характер обработки этих плит, их залегание на уровне материковой скалы не противоречит такому предположению.

Это значит, что открытые строительные конструкции вполне вероятно можно отнести к категории погребальных сооружений - могильной ямы и фундаментного ряда какого-нибудь надмогильного памятника. Поскольку его реконструированные размеры составляют около 8x2 м, то это мог быть большой погребальный перибол, служивший той базой, на которой и устанавливались разнообразные надмогильные памятники. Нельзя также полностью исключать, что памятники ставились не на искусственно сооруженную террасу-перибол, а непосредственно на плитовую вымостку. Близкое по конструкции фундаментного ряда сооружение в виде вымостки, перекрытой оборонительной стеной, с сохранившимися размерами 2,85x2,5 м, было исследовано в юго-восточном районе²⁷. Авторы совершенно справедливо интерпретировали открытую

конструкцию как фундаменты сооружения типа наиска, стоявшего на некрополе.

Скорее всего, что два подобных сооружения были обнаружены на территории юго-восточного некрополя также и К.К. Косцюшко-Валюжиничем. В 1897 г. им была исследована «ровная площадка прямоугольной формы, около 5 м длины и 1,60 м ширины». Автор не понял назначения площадки и решил, что она не является надмогильным сооружением, однако предложил ее использование в качестве портика, «мраморные части которого расхищены в византийскую эпоху»²⁸. Связь этого сооружения с надмогильным памятником несомненна, что позволило Р.В. Стоянову согласиться с таким предположением²⁹. Еще одну каменную площадку, размерами около 4,5х2 м, К.К. Косцюшко-Валюжинич обнаружил на территории того же юго-восточного некрополя в 1902 г.³⁰ Нельзя также не отметить, что подобный конструктивный прием - устройство на выровненной материковой скале, вымощенной плитами в 1-2 ряда площадки, - использовался и при строительстве других категорий погребальных сооружений³¹.

Возвращаясь к северному берегу, вполне вероятным кажется и предположение о том, что к категории погребальных периболов можно отнести и кладку «Ю-Ю», расположенную к северо-востоку от упомянутой конструкции с ямой «К» (рис. 1). Стена была тщательно сложена из больших камней на глинистом растворе прямо на материковой скале, ее размеры составляли: длина 8,6 м, сохранившаяся высота 1,7 м, ширина - до 1,2 м³². Необходимо обратить внимание на то, что эта стена служила своеобразным барьером, к северо-западу от которого и располагалась основная масса открытых на участке погребений. И, наконец, несколько более поздней, так как была сооружена на насыпном грунте, является стена «Э-Э», открытая к югу от ямы «К» (рис. 1). Ее длина составляет более 3,5 м, ширина - около 0,8-0,9 м. Эта кладка перекрывала и ограждала компактную группу из 9 погребений.

Все три описанные конструкции имеют одинаковую и четко выдержанную ориентацию. Могилы, которые были открыты на этом участке, имели определенные особенности в своем расположении - ни одна из них не «выходила» за линии выше упомянутых кладок. Именно такая система взаиморасположения

могил и кладок и дает возможность утверждать, что все кладки относятся к категории надмогильных сооружений и могут быть классифицированы как фундаментные остатки периболов или вымосток, непосредственно на которые и устанавливались надмогильные памятники.

Подобную ориентацию имело и сооружение, вырезанное в скале и определенное как «сооружение неизвестного хозяйственного назначения», расположенное почти на уровне материковой скалы и ниже уровня внутреннего двора дома I в квартале XV³³. Это сооружение имело правильную четырехугольную форму, размерами 3,55х2,40 м, было заглублено в материковую скалу только на несколько сантиметров и окружено каменными кладками, толщиной 0,45 м. Кроме того, исходя из плана (рис. 1), очевидно, что сооружение имело плитовое покрытие пола. Именно это обстоятельство и явилось, с нашей точки зрения, причиной того, что сооружение было инкорпорировано во внутренний двор дома. Иначе объяснить функциональную необходимость такой «ямы» во внутреннем дворе дома, планировка которого полностью согласована с типовой схемой, предусматривавшей во дворе только цистерну или колодец, невозможно.

В результате подробного ознакомления с планом раскопок, и принимая во внимание стратиграфические особенности залегания этого сооружения, а также тот факт, что в непосредственной близости от него, к северо-западу, также под уровнем внутреннего двора дома, была выявлена группа из 7 погребений, имеются все основания считать описанную конструкцию частью погребального сооружения. Скорее всего, остатками наземного погребального памятника - ограды - может быть и небольшая П-образная однослойная кладка, открытая ниже уровня пола в помещении I в северо-восточной части дома, за которой также находилось погребение (рис. 1).

Интересным представляется также и анализ строительных остатков в расположенном к юго-востоку квартале XVII. Следует подчеркнуть, что на участке под этим кварталом погребения не были зафиксированы *in situ*, хотя находки скоплений перемещенных (специально перезахороненных?) человеческих костей уверенно указывали на их наличие³⁴. Поэтому, прежде всего, необходимо обратить

внимание на вырубленный в материковой скале «подвал А», который, как следует из плана (рис. 1), не имел отношения к конструкции внутреннего двора дома и был перекрыт одной из кладок его стилобата. Размеры «подвала» согласно чертежу: длина 2,9-3 м, ширина 1,9-2 м. Авторы публикации верно отметили, что этот «подвал» очень похож на аналогичные структуры, открытые в кварталах XIII и XV³⁵. Поэтому с большой долей вероятности представляется возможным предположить, что и «подвал», открытый под кварталом XVII, имел отношение к раннему кладбищу. Наверняка, это была еще одна вырубленная в скале могила, не исключено, что и семейного назначения.

Необходимо обратить также внимание и на цепь прямоугольных углублений в скале (около десятка), расположенных на расстоянии 4 м к юго-западу от упомянутой конструкции (рис. 1) по странам света. Авторы отнесли их к средневековому времени (что следует из условных обозначений на плане), однако, соответственно этому же плану, они перекрыты не только кладкой стилобата двора дома раннеэллинистического времени, но и частично сооружениями первых веков н.э. (рис. 1). Поэтому вывод относительно хронологической и функциональной принадлежности может быть продиктован самими стратиграфическими условиями залегания этих вырезанных в скале конструкций. Ничто не противоречит трактовке этих углублений в качестве вырубных могил раннего некрополя. Кроме того, имеются все основания считать эти конструкции принадлежащими семейному участку некрополя.

Выделение семейных участков на территории городского кладбища является серьезной проблемой и в данном случае ее можно попытаться решить именно путем наблюдения над топографией погребальных сооружений. Такие участки уже выделены на Западном некрополе эллинистического времени, где удалось проследить определенную систему в расположении могильных ям и их ориентации. Могилы вырубались в скале рядами приблизительно на одинаковых расстояниях одна от одной, количество их обычно составляло от 4 до 7-8³⁶.

И, наконец, необходимо рассмотреть погребения, открытые в смежном квартале XVIII. По поводу их этнической атрибуции в свое время велась длительная дискуссия. В

настоящее время к этим погребениям можно снова вернуться и существенно дополнить эту проблему новыми наблюдениями. На уровне скалы было зафиксировано десять погребений. Интересно то, что эти могилы, как и в упомянутом выше случае, были пустыми, однако уверенно определены авторами именно как могилы. Неправильная форма могильных ям, которая, с точки зрения авторов, предназначалась только для скорченных погребений, привела их к выводу о принадлежности могил таврам, согласно доминировавшей в то время концепции о варварской принадлежности скорченных погребений³⁷. Кроме попытки решения проблемы этнической атрибуции, которая стала популярной темой дискуссий в течение следующих десятилетий, авторам раскопок принадлежит также и очень ценное стратиграфическое наблюдение, которое, однако, не получило надлежащей оценки. Впервые за все время раскопок некрополя на северном берегу в один строительный комплекс с могилами были соединены также и остатки наземных каменных конструкций.

Во время раскопок было прослежено, что могильные ямы располагались на определенных (добавлю, и это очень важно - кратных) расстояниях одна от другой, соответственно двух направлений, ориентированных по странам света (рис. 1). Восточная стена «д» образовывала прямой угол с северной стеной «е». Эти две стены, возведенные на уровне скалы, четко очерчивали направления, согласно которым могилы и были расположены на местности. Авторы реконструировали квадратный план постройки на основании того, что одну из могил на западном фланге они приняли за начало поворота третьего, западного ряда могил. Толщина стен в 0,75 м позволила предположить монументальный характер всего сооружения и в результате предложить его атрибуцию как погребального, которое «принадлежало какой-то богатой таврской семье Херсонеса». Реконструированное сооружение имело квадратный план со стороной в 12,2 м (рис. 1), а находки «обломков капителей и многочисленных обломков керамид и калиптеров», согласно авторам, свидетельствовали о том, что сооружение имело перекрытие³⁸. Характер перекрытия (плоское, фронтонное) и ордер фасада, наличие которого логично следовало из упоминания о капителях,

остались, однако, недетализированными.

Необходимо отметить, что дискуссия относительно этнической атрибуции скорченных погребений³⁹ была недавно подытожена Е.Я. Роговым. С его точки зрения, эта дискуссия «свидетельствует о том, что в такой постановке вопроса и в рамках тех знаний, которыми мы располагаем, проблема решения не имеет»⁴⁰. Единственное, в чем, как представляется, был найден консенсус - это по поводу трактовки «скорченников» как погребений членов гражданской общины Херсонеса, что уже не вызывает особенных возражений⁴¹. Однако, как кажется, ситуация не является такой безвыходной и окончательно точку в этой дискуссии ставить еще рано.

В частности, никто из исследователей так и не пересмотрел давнюю реконструкцию монументального сооружения, в котором, очевидно, по образцу мавзолея и были, с точки зрения авторов публикации, совершены означенные погребения. Только В.И.Кадеев вспомнил об античных ордерных формах «усыпальницы» как одном из аргументов в пользу ее греческого, а не варварского происхождения⁴². Между тем, необходимость пересмотра и этого вопроса также очевидна - он самым непосредственным образом связан с правильной атрибуцией типа погребального сооружения.

Правильно критикуя авторов публикации «таврского» погребального сооружения за концептуальные просчеты, которые, как известно, являлись данью советской исторической науки 1950-х гг., никто не обратил внимание, что во время раскопок этой «семейной гробницы» были сделаны и некоторые ценные полевые наблюдения. Между тем, именно они, как представляется, могут дать важную и, главное, новую информацию для решения указанной проблемы. Прежде всего, это то, что две достаточно мощные стены четко ограждали могилы с двух, а не с трех сторон, как их реконструировали авторы, что было зафиксировано *in situ* и хорошо видно на полевом чертеже (рис. 1). Также правильно был установлен факт компактного размещения могил на кратных расстояниях в границах огражденного участка. Необходимо добавить, что северный ряд могил, как следует из чертежа, состоит не только из четырех могил, но также и из углубления в скале, длиной не менее 4 м. Это, в свою очередь, означает, что северная стена -

ограда - могла иметь большую, чем реконструированную авторами, длину и составлять не менее 15 м.

В некрополе Херсонеса уже известен случай, когда для устройства семейного участка в скале была вырублена траншея, в которую устанавливались погребальные урны. Она была открыта на южном участке некрополя в 1903 г., имела в длину 5 м, ширину 0,45 м и глубину 0,55 м, в ней находилось 6 погребальных урн⁴³. Интересно, что сосуды из этой траншеи, использованные как погребальные урны, имеют датировку, ограниченную концом V - началом IV в. до н.э.⁴⁴ Поэтому нельзя исключать, что такой способ устройства семейных захоронений - в виде траншей, в которые ставились урны - мог быть присущ уже раннему участку городского некрополя.

Все эти признаки дают возможность уверенно реконструировать под кварталом XVIII типично античный семейный участок городского некрополя, и вот почему. Сооружение, остатки которого были раскопаны, вполне очевидно не имело ни квадратного плана, ни перекрытия и было построено как отдельно установленная стена - ограда. Такие монументально оформленные ограды семейных участков характерны именно для пространственной организации могильников античного мира - материковой Греции и островов Эгеиды. Две стены, которые ограждали могилы, сходясь под прямым углом, являются остатками монументального погребального перибола, типичного в своем планировочном и конструктивном решении. Именно поэтому двух других стен, которые вероятно реконструировали авторы раскопок для того, чтобы замкнуть квадратную «усыпальницу», в реальности не было - перибол имел разомкнутый план. Согласно античной погребальной традиции, периболы в виде монументальных оград и строились, чтобы отгородить участок семейного погребения⁴⁵. Кстати, могилы, огражденные периболом, могли располагаться не только в один ряд. Две западные могилы, которые авторы раскопок приняли за поворот западного (третьего) ряда погребений, на самом деле могли означать и начало формирования второй линии погребений вдоль северного фронта перибола.

Мощная стена фундаментного ряда уверенно показывает, что это сооружение использовалось как своеобразный цоколь для

установки погребальных памятников. Предложенная нами реконструкция⁴⁶, конечно, не претендует на полную идентичность, однако, как представляется, дает возможность представить, как сооружения такого типа вообще использовались и какой общий вид они могли иметь.

О существовании специально построенных монументальных оград, которые окружали погребения, свидетельствует также недавно открытый во время охранных раскопок под 12-й поперечной улицей, между XXXVI и XXIV кварталами, фундаментный ряд аналогичного по своим функциям перибола или памятника-ограды, частично разрушенный более поздней квартальной застройкой⁴⁷. Именно это современное и хорошо документированное открытие подтвердило и наше убеждение в том, что во время расширения территории города и его застройки соответственно регулярной сетки гипподамовой градостроительной системы, все наземные погребальные памятники были преднамеренно разобраны почти до самых фундаментов.

Новая функциональная интерпретация строительных комплексов, открытых на территории раннего некрополя на северном берегу Херсонеса как погребальных, дает возможность с высокой долей вероятности предположить, что в своей планировочной и пространственной организации этот участок городского кладбища следовал основным принципам, перенесенным сюда из материковой Греции. Выполнив впервые и общий план строительных остатков, которые связаны со значительной частью некрополя на северном берегу (рис. 1), кажется, что нельзя также оставить без внимания и вопросы общей ориентации надмогильных сооружений. Эта проблема, в свою очередь, связана с общими вопросами пространственной организации погребальных сооружений городского некрополя.

Еще Г.Д. Белов полагал, что абсолютное большинство погребений было совершено с восточной ориентацией⁴⁸. В настоящее время этот факт является общепринятым, более того, статистически доказано, что для раннего периода существования городского кладбища такие погребения составляли 81%⁴⁹. Представляется, что именно с этим обстоятельством связано и то, что строительство синхронных по времени наземных

надмогильных сооружений также происходило соответственно стран света, но с меридиональной ориентацией. Такая ориентация особенно четко выдержана в кварталах XVII и XVIII. Это, во-первых, является дополнительным свидетельством в пользу интерпретации вырезанных в скале сооружений в квартале XVII как погребальных, а во-вторых, может указывать и на главное направление, по меньшей мере, одной из дорог, которая вела к городским воротам в западной линии ранних оборонительных сооружений. Для античных некрополей такая топографическая особенность, когда надмогильные памятники маркировали дороги к городским воротам, является общеизвестным фактом. Хрестоматийными примерами являются дороги, которые вели через некрополь в районе Керамика к Дипилонским воротам в Афинах⁵⁰, и две улицы, которыми сквозь территорию некрополя можно было попасть к городским воротам Рамнунта⁵¹.

Как следует из плана (рис. 1), расположение надмогильных сооружений на северном берегу Херсонеса указывает направление возможной трассы дороги, которая вела к городским воротам. На ограниченной фактической базе утверждать это категорически очень сложно, поскольку археологически трасса ранней стены до сих пор не определена. Однако особенности микрорельефа местности, согласно которым к северо-востоку от кварталов XIII и XV наблюдается его подъем, показывает, что городская стена могла проходить именно здесь, не очень отклоняясь от линии будущей 9-й поперечной улицы⁵². Поэтому нельзя исключать, что где-то приблизительно на границе будущих XII и XXIII кварталов (или в районе последнего) и мог быть устроен въезд в город. На такое его вероятное местонахождение, которое должно было соединять город с участком расположенного к западу некрополя, косвенно может указывать и то, что в более поздней линии обороны с запада в город вели также несколько ворот.

И.А. Антонова располагала ворота в ранней стене несколько более на юго-запад, ориентируясь на пересечение будущей главной продольной улицей границы водораздела на центральном плато, северо-западнее театральной балки⁵³. Однако представляется, что ранняя линия обороны могла проходить намного восточнее⁵⁴. Именно к ней, а также к расположенным в ней воротам и были

направлены главные подъезды к городу с запада. Такая особенность была зафиксирована и для пространственной организации некрополя более позднего времени. Расположение семейных участков кладбища вдоль дороги, которая, безусловно, вела к воротам возле башни VIII основной оборонительной линии, было прослежено на участке некрополя эллинистического времени возле Песочной бухты⁵⁵.

Наблюдения над пространственной организацией некрополя на северном берегу дают возможность с новых позиций подойти и к решению проблемы своеобразия херсонесского городского могильника. Проблема эта в той или иной степени возникает практически перед каждым исследователем, который касается хотя бы одного из многочисленных вопросов, связанных с некрополем Херсонеса. Г.Д. Белову принадлежит и утверждение о небогатом и невыразительном составе погребального инвентаря, сделанное именно на основании изучения могил северного берега⁵⁶. Согласно его мнению, такой состав инвентаря следует объяснять не средним доходом жителей, а общим для граждан обычаем, согласно которому в могилы ставили только мелкие сосуды⁵⁷. По количественному и качественному составу инвентаря этому участку некрополя близок участок, исследованный в районе театра⁵⁸. Е.Я. Рогов добавил к этому общие наблюдения относительно состава погребального инвентаря из некрополя в юго-восточном районе и пришел к важному выводу об отсутствии существенной разницы между отдельными участками городского некрополя, за исключением богатых погребений с золотыми украшениями, возможно, жреческих, из подстенного склепа № 1012⁵⁹.

Кроме погребального инвентаря, были детально изучены и типы погребальных сооружений, которые также не выделялись разнообразием в течение всего классико-эллинистического времени⁶⁰. Эта точка зрения получила дальнейшее развитие также и в рассуждениях о семейных гробницах. Еще Г.Д. Белов обращал внимание на их полное отсутствие по материалам некрополя на северном берегу, поскольку, с его точки зрения, сам тип могил не был приспособлен для семейных погребений⁶¹. Их отсутствие, согласно Е.Я. Рогову, также является характерной чертой херсонесского некрополя⁶². Из этого правила,

согласно его мнению, существуют только два исключения - подстенный склеп № 1012 и упоминавшаяся выше погребальная конструкция 1903 г. на южном участке некрополя. Несмотря на это, Е.Я.Рогов все-таки допустил возможность существования семейных участков некрополя, однако указал, что они, если и были, состояли все же из индивидуальных могил, поскольку зафиксированных фактов подзахоронений не более десяти на весь некрополь⁶³.

Представляется, однако, что количество семейных погребений не ограничивалось только двумя указанными конструкциями. К их числу следует добавить и упомянутую выше конструкцию в виде такой же траншеи в составе большого семейного участка под кварталом XVIII и семейное захоронение под кварталом XXV на северном берегу⁶⁴. Наиболее вероятно, что для семейных погребений предназначались и те конструкции, которые в виде «ям» больших размеров были вырублены в скале на территории некрополя на северном берегу и в юго-восточном районе. Безусловно также, и в этом следует согласиться с Е.Я. Роговым, что большая часть известных семейных участков состояла из индивидуальных погребений. Однако, думается, что в отличие от Е.Я. Рогова, о наличии семейных участков в некрополе Херсонеса следует в настоящее время говорить не под вопросительным знаком, а как об установленном факте. На их существование прямо указывают прослеженные нами топографические особенности некрополя, а также надписи на архитектурных памятниках - оградах - с именами супружеских пар⁶⁵. Семейные участки захоронений, над которыми устанавливались соответствующие надмогильные памятники, являются характерной чертой городского некрополя Херсонеса.

Размышления над причинами отсутствия в херсонесском городском могильнике подкурганых погребений в каменных склепах, за исключением известного Шверинского кургана, привели Е.Я. Рогова к мысли о том, что «невосприимчивость жителей города к влиянию не только варварского окружения, но и погребальной практики соседних эллинских городов, где традиция захоронения в курганах получила устойчивое и повсеместное распространение, коренится в строгости погребальных норм, их консервативности,

опирающихся, скорее всего, на какие-то внутриполисные представления, может быть, даже оформленные законодательно»⁶⁶. Эта идея получила дальнейшее развитие у Р.В. Стоянова, который, в свою очередь, полагал, что особенности херсонесского некрополя свидетельствуют «о невосприимчивости жителей Херсонеса Таврического к влияниям, как со стороны других эллинских центров, так и со стороны варварского окружения. Для городского некрополя V-I вв. до н.э. были характерны устойчивость форм и конструктивных особенностей погребальных сооружений, стабильность соотношений способов захоронения, единообразие типового состава погребального инвентаря. Причины этого кроются в своеобразии погребальных форм, носивших регламентированный, консервативный характер»⁶⁷.

Из приведенных цитат понятно, что выводы первого исследователя, которые явились попыткой объяснения отсутствия курганов в херсонесском могильнике, были поддержаны и практически полностью экстраполированы вторым на весь некрополь в целом. Проведенное же нами исследование, как представляется, может существенно откорректировать эти выводы⁶⁸. Действительно ли городской некрополь Херсонеса был таким бедным и маловыразительным и принадлежал социально однородному и малообеспеченному населению, как это традиционно утверждается на основании анализа не очень многочисленного и не очень разнообразного погребального инвентаря⁶⁹? Что же конкретно определяет специфику строго регламентированных и консервативных погребальных норм херсонеситов, о которой так много говорится⁷⁰, и, главное, где следует искать истоки этой специфики? Именно эта проблема так и не получила необходимого решения, поскольку дальше констатации этого факта дело, как правило, не идет.

В настоящее время можно уверенно говорить о влиянии нескольких факторов, которые действительно обусловили своеобразие

херсонесского городского некрополя и его непохожесть на остальные некрополи Северного Причерноморья. Однако дело здесь, очевидно, не только, вернее, не столько в однотипности погребального инвентаря или стандартных конструкциях могил. Имеются все основания утверждать, что пространственная организация раннего херсонесского городского некрополя в тех его частях, которые находились на наиболее близком расстоянии от городских ворот, следовала традициям, перенесенным сюда из материковой Греции. Скорее всего, эта традиция сохраняется и позднее, в эллинистическое время, когда было налажено широкое местное производство многих типов надгробных памятников. В основе планировочной организации находился принцип расположения семейных участков некрополя с типологически разнообразными надмогильными памятниками на искусственных подиумах - периболах, которые в виде террас фланкировали основные коммуникации в направлении к городским воротам. Поэтому, как представляется, следует переставить акценты и в вопросе об уровне зажиточности погребенных на этих участках граждан. Очевидно, что он определялся не однородным погребальным инвентарем или конструкцией могил, а надмогильными памятниками, привезенными из Греции или изготовленными в Херсонесе⁷¹.

Из сказанного следует, что и вывод о «невосприимчивости жителей Херсонеса Таврического к влияниям... со стороны других эллинских центров»⁷² необходимо скорректировать. Некрополь Херсонеса Таврического в своей пространственной организации, наоборот, достаточно точно следует традициям, которые были перенесены в этот регион из, возможно, нескольких центров материковой Греции. Именно этот фактор, с нашей точки зрения, и явился основным, который определил яркую самобытность городского некрополя Херсонеса и его отличие от всех остальных аналогичных памятников региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Косцюшко-Валожинич К.К. Гробницы, урны и катакомбы, открытые в 1891 году в Херсонесе, на косогоре у южной городской стены // ОАК за 1891 г. - СПб., 1893, с. 137-150.
2. Белов Г.Д. Некрополь Херсонеса эллинистической эпохи // АСГЭ19. - 1978, с. 45 сл.; Белов Г.Д. Некрополь Херсонеса классической эпохи // СА 3. - 1981, с. 163 сл.; Зубар В.М. История розкопок и топография античного некрополя Херсонесу // Археология 25. - 1978, с. 50-59; Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I-IV вв. н.э. - К., 1982, с. 9, рис. 1; Стоянов Р.В. Некоторые аспекты хронологии и районирования Херсонесского некрополя

- классического и эллинистического периодов // ХСб. XII. - Севастополь, 2003, с. 165-176.
3. Вопросам пересмотра основных этапов крепостного строительства в Херсонесе в целом и в юго-восточном районе в частности посвящена отдельная работа, см. подробнее: Буйских А.В. К хронологии и атрибуции сооружений у юго-восточных ворот Херсонеса Таврического // БИ IX. – Керчь-Симферополь, 2005, с. 138-158.
 4. Белов Г.Д. Отчет о раскопках Херсонеса за 1935-36 гг. - Севастополь, 1938, с. 163-195; Стржелецкий С.Ф. Раскопки таврского некрополя Херсонеса в 1945 году // ХСб. IV. - 1948, с. 51-63; Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф. Кварталы XV и XVI // МИА 34. - 1953, с. 32-108; Белов Г.Д. Северный прибрежный район Херсонеса // МИА 34. - 1953, с. 13-14; Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., Якобсон А.Л. Квартал XVIII // МИА 34. - 1953, с. 161-163; Кадеев В.И. Об этнической принадлежности скорченных погребений херсонесского некрополя // ВДИ 1. – 1973, с. 113-114; Белов, Некрополь Херсонеса классической эпохи..., с. 163 сл.; Рогов Е.Я. Некоторые проблемы становления и азвития Херсонесского государства // Stratum plus 3. – Санкт-Петербург-Одесса, 1999, с. 124-127.
 5. Лепер Р.Х. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1913-1915 гг. - СПб., 1918, с. 53, 60.
 6. Ryzhow S. Excavations of Insula XXXVI at Chersonesos // The Study of Ancient Territories. Chersonesos & Metaponto. 2003 Field Report. - Austin, 2003, p. 47.
 7. Зедгенидзе А.А. Исследование северо-западного участка античного театра в Херсонесе // КСИА 145. – 1976, с. 28 сл.; Зедгенидзе А.А., Савеля О.Я. Некрополь Херсонеса V-IV вв. до н.э. // КСИА 168. – 1981, с. 3 сл.
 8. Косцюшко-Валюжинич К.К. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1897 г. - СПб., 1900, с. 94-96; Он же. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1898 г. - СПб., 1901, с. 111 -113; Он же. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1899 г. - СПб., 1902, с. 14, рис. 22; Он же. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1900 г. - СПб., 1902а, с. 22.
 9. Буйских А.В. К хронологии и атрибуции сооружений..., с. 150.
 10. Антонова И.А. Рост территории Херсонеса (по данным изучения оборонительных стен) // АДСВ 25. - Свердловск, 1990, с. 17.
 11. Щеглов А.Н. Некрополь у Песочной бухты близ Херсонеса // КСИА 143. – 1975, с. 109-116; Зубарь В.М., Ланцов С.Б. Новый участок эллинистического некрополя Херсонеса // КСИА 191. - 1987, с. 34; Стоянов Р.В. Некоторые аспекты хронологии и районирования Херсонесского некрополя классического и эллинистического времени // ХСб. XII. – Севастополь, 2003, с. 175-176.
 12. Стржелецкий С.Ф. XVII башня оборонительных стен Херсонеса (башня Зенона) // СХМ IV. – Севастополь, 1969, с. 9 сл.; Антонова И.А., Бабинов Ю.А. Исследование 20-й куртины херсонесских оборонительных стен // АО 1969 г. - М., 1970, с. 248.
 13. Антонова И.А., Аркадова Л.А. Раскопки терм и античной протейхизмы в Херсонесе // АО 1970 года. - М., 1971, с. 271; Антонова И.А. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. Проблемы датировки // ХСб. VII – Севастополь, 1996, с. 123; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. - Харьков, 2000, с. 502-504.
 14. Подробно, с литературой см.: Рогов Е.Я. Некоторые проблемы становления и развития Херсонесского государства // Stratum plus 3. – Санкт-Петербург-Кишинев-Одесса, 1999, с. 116-144.
 15. Белов, Отчет о раскопках..., с. 193.
 16. Белов, Некрополь Херсонеса классической эпохи..., с. 164 сл.; Рогов, Некоторые проблемы становления и развития..., с. 125-128.
 17. Белов, Отчет о раскопках... С. 163 сл.
 18. Рогов, Некоторые проблемы становления и развития..., с. 126.
 19. Белов, Отчет о раскопках..., с. 164.
 20. Рогов Е.Я. Некоторые проблемы становления и развития..., с. 126.
 21. Белов, Отчет о раскопках..., с. 223.
 22. Там же, план. Ср.: Буйских А.В. Жилые дома на северном берегу Херсонеса // ХСб. X – Севастополь, 1999, с. 23-30.
 23. Белов, Отчет о раскопках..., с. 222-223.
 24. Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф. Кварталы XV и XVI // МИА 34. – 1953, с. 41 сл., рис. 6. 14.
 25. Косцюшко-Валюжинич К.К. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1891 год. - СПб., 1893, с. 7.
 26. Буйских, Жилые дома..., с. 26-27.
 27. Антонова, Бабинов, Исследование 20-й куртины..., с. 248-249.
 28. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет заведывающего раскопками в Херсонесе // ОАК за 1897 г. – СПб., 1900, с. 129, план на с. 125.
 29. Стоянов Р.В. Две плитовые погребальные конструкции в Херсонесе Таврическом // Северное Причерноморье в античное время. - К., 2002, с. 159-160.
 30. Косцюшко-Валюжинич К.К. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1902 г. - СПб., 1904, с. 41, рис. 69.
 31. Речь идет о так называемом «нимфее», который, вслед за Е.Н. Жеребцовым (Новое о херсонесском склепе 1012 // КСИА 159. – 1979, с. 34-37), представляется возможным трактовать как погребальное сооружение, скорее всего, семейного назначения. См. подробнее: Буйских, К хронологии и атрибуции..., с. 146.
 32. Белов, Отчет о раскопках..., с. 222.
 33. Белов, Стржелецкий, Кварталы XV и XVI..., с. 50-51.
 34. Белов, Якобсон, Квартал XVII..., с. 109-110.
 35. Там же, с. 111.
 36. Щеглов, Некрополь у Песочной бухты..., с. 109, 116; Зубарь, Ланцов, Новый участок эллинистического некрополя..., с. 37.
 37. Белов, Стржелецкий, Якобсон, Квартал XVIII..., с. 163.
 38. Там же, с. 161-163.

39. Лапин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. - К., 1966, с. 214 сл.; Кадеев, Об этнической принадлежности..., с. 108-116; Козуб Ю.И. Некрополь Ольвии V-IV ст. до н.е. - К., 1974, с. 21; Зубар В.М. Скорчени поховання з некрополю Херсонеса IV ст. до н.е. // Археологія 3 - 1995, с. 137-146.
40. Рогов, Некоторые проблемы становления и развития..., с. 124.
41. Там же. С. 126.
42. Кадеев, Об этнической принадлежности..., с. 114.
43. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 г. // ИАК 16. – 1905, с. 106.
44. Стоянов Р.В. Некрополь Херсонеса классического и эллинистического периодов: история изучения, проблематика // Stratum plus 3. – Санкт-Петербург-Одесса, 2000, с. 134.
45. Mersch A. Studien zur Siedlungsgeschichte Attikas von 950 bis 400 v. Chr. (Europäische Hochschulschriften. Serie XXXVIII. Bd. 58). Frankfurt am Main, 1998, s. 36-37.
46. Буйських А.В. Про один маловідомий тип надмогильних пам'ятників некрополя Херсонеса IV-III ст. до н.е. // Археологія 1. - 2005, с. 56-56.
47. Ryzhov, Excavations of Insula XXXVI..., p. 43 ff.
48. Белов, Отчет о раскопках..., с. 193.
49. Стоянов Р.В. Некрополь Херсонеса Таврического V-I вв. до н.э. Автореф. дисс... канд. ист. наук. - СПб., 2004, с. 11.
50. Kovacovics W.K. Die Eckterrasse an der Gräberstrasse des Kerameikos (Kerameikos. Bd. XIV). - Berlin - New York, 1990, abb. 1.
51. ПЕТРАКОΣ В.Х. Ο ΔΗΜΟΣ ΤΟΨ ΡΑΜΝΟΥΝΤΟΣ Ι ΑΘΗΝΑΙ. - 1999, s. 335-341.
52. Г. Д. Белов предполагал, что стена могла проходить по трассе 8-й поперечной улицы - Белов Г.Д. Некрополь Херсонеса классической эпохи // СА 13. – 1950, с. 283.
53. Антонова, Рост территории Херсонеса ..., с. 13.
54. Буйских, К хронологии и атрибуции сооружений..., с. 150.
55. Щеглов, Некрополь у Песочной бухты..., с. 109.
56. Белов, Некрополь Херсонеса классической эпохи..., с. 177.
57. Белов Г.Д. Керамика конца V-IV века до н.э. из некрополя Херсонеса // ТГЭ XVII. – 1976, с. 120-121.
58. Зедгендзе, Савеля, Некрополь Херсонеса..., с. 7.
59. Рогов, Некоторые проблемы становления и развития..., с. 127-128; Он же. Столетие открытия подстенного склепа 1012 в Херсонесе // Stratum plus 3. – Санкт-Петербург-Кишинев-Одесса, 2000, с. 96-97.
60. Белов Г.Д. Некрополь Херсонеса классической эпохи // СА 13. - 1950, с. 166.
61. Там же, с. 276.
62. Рогов, Столетие открытия..., с. 96-97.
63. Там же, с. 97.
64. Кадеев, Об этнической принадлежности..., с. 113.
65. Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. - К., 1973, № 174, 175; Буйских А.В. К типологии надгробных памятников некрополя Херсонеса Таврического IV-I вв. до н.э. // Древности степного Причерноморья и Крыма XII. – Запорожье, 2005, с. 198.
66. Рогов, Некоторые проблемы становления и развития..., с. 128-129.
67. Стоянов, Некрополь Херсонеса Таврического..., с. 16.
68. Проблема курганных захоронений с каменными склепами в некрополе Херсонеса нами посвящена отдельная работа. Здесь следует только отметить, что наличие подкурганных склепов, построенных под явным македонским влиянием, исходя из находок отдельных архитектурных деталей (в частности, каменной двери склепа), является неоспоримым фактом. Уже поэтому Шверинский курган не был уникальным явлением для херсонесского некрополя. Подробнее см.: Буйських А.В. До проблеми підземних склепів в некрополі Херсонеса Таврійського IV-III ст. до н.е. // Археологія 3.– 2005, с. 18-23.
69. Белов, Некрополь Херсонеса классической эпохи...(1950), с. 284; Белов, Некрополь Херсонеса классической эпохи..., с. 171.
70. Рогов, Некоторые проблемы становления и развития..., с. 128-129; Стоянов, Некрополь Херсонеса Таврического..., с. 15-16.
71. Буйських, Про один маловідомий тип..., с. 55-56.
72. Стоянов, Некрополь Херсонеса Таврического..., с. 16.

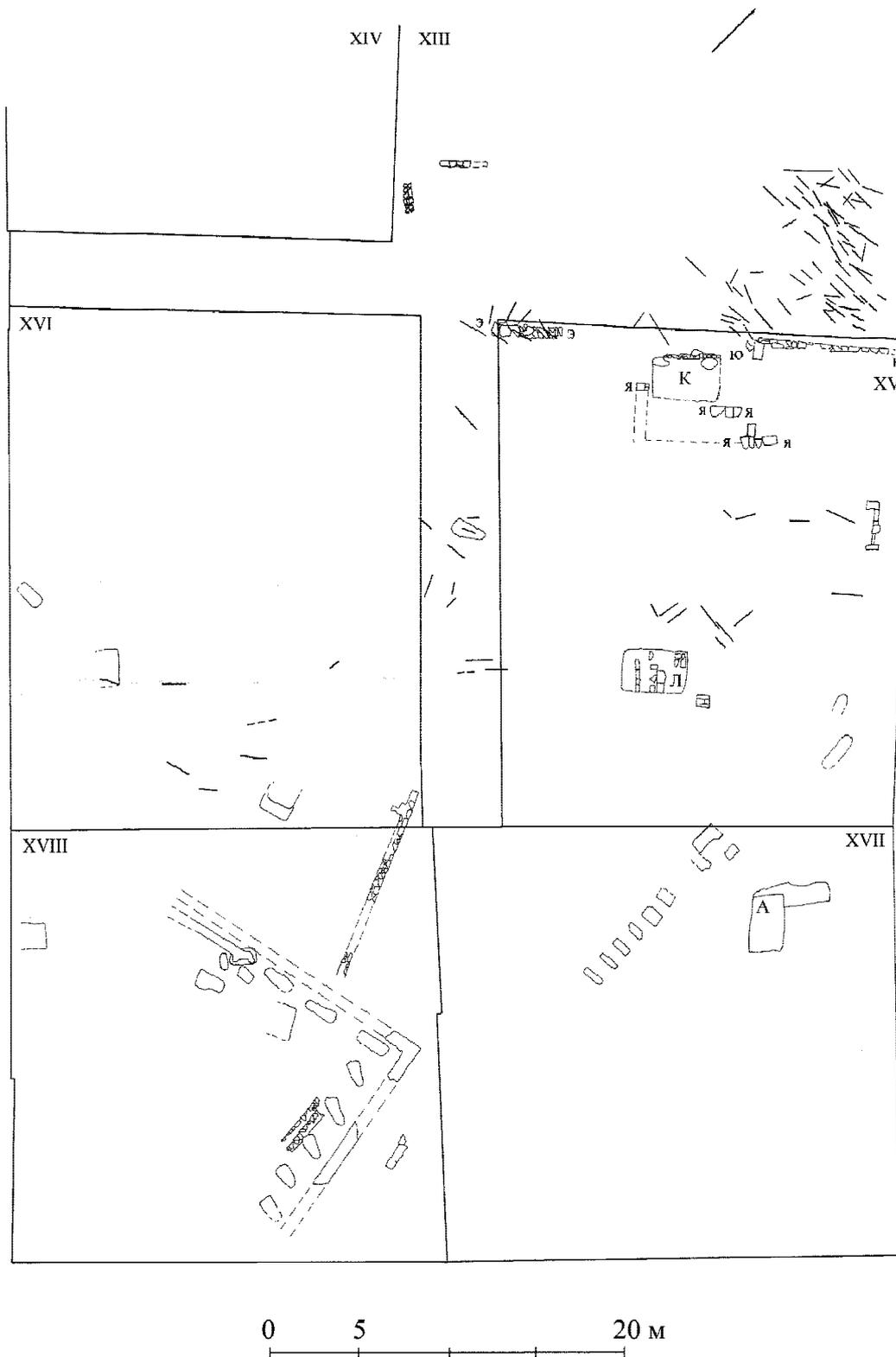

Рис. 1. Сводный план строительных остатков некрополя Херсонеса на северном берегу (по Белову Г.Д., 1938; Белову Г.Д., Стржелецкому С.Ф., 1953; Белову Г.Д., Якобсону А.Л., 1953; Белову Г.Д., Стржелецкому С.Ф., Якобсону А.Л., 1953).